

[OCR Бычков М. Н.](#)

<http://az.lib.ru>

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Je jette mes idées sur le papier et elles deviennent ce qu'elles peuvent.

Diderot.

Въ ночь на Ивановъ день изстари зажигались на высотахъ кругомъ Ревеля огни, бочки съ смолою, огромные костры: всѣ жители толпами пускались на ночное пилигримство, собирались, ходили вокругъ огней и сіе празднество въ виду живописнаго Ревеля, въ виду зеркала моря, отражающаго прибрежное сіяніе, должно было имѣть нѣчто поэтическое и торжественное. Нынѣ развѣ кое-гдѣ блещутъ сиротливые огни, зажигаемые малымъ числомъ вѣрныхъ поклонниковъ старины. Это жаль. Вездѣ падаютъ народные обычаи, преданія и повѣрья. Народы какъ будто стыдятся держаться привычекъ дѣтства, достигнувъ совершеннolѣтія. Хорошо инымъ; но зачѣмъ отставать отъ поэзіи бабушкиныхъ сказокъ другимъ, все таки еще чуждымъ прозы просвѣщенія? Право, многимъ поребячиться еще не грѣшно. Мы съ своею степенностію и нагою разсудительностію смѣшны, какъ дѣти, которыя важничаютъ въ маскарадахъ, навьюченные парикомъ съ буклями, французскимъ кафтаномъ и шпагою. Крайности смежны. Истинное, коренное просвѣщеніе возвращаетъ умы къ нѣкоторымъ дѣдовскимъ обычаямъ. Старость впадаетъ въ ребячество, говоритъ пословица: такъ и съ народами; но только они заимствуютъ изъ своего ребячества то, что было въ немъ поэтическаго. Это не малодушіе, а набожная благодарность. Старикъ съ умиленнымъ чувствомъ, съ нѣжнымъ благоговѣніемъ смотритъ на дерево, на которое онъ лазилъ въ младенчествѣ, на лугъ, на которомъ онъ рѣзвился. Въ возрастѣ мужества, въ возрастѣ какого-то благоразумнаго хладнокровія, онъ смотрѣлъ на нихъ глазами сухими и въ сердцѣ безмолвномъ не отвѣчалъ на голосъ старины, который подавали ему ея краснорѣчивые свидѣтели. Старость ясная, лебединая пѣснь жизни, совершенной во благо, имѣетъ много созвучія съ юностью изящною: поэзія одна сливается съ поэзіею другой, какъ вечерняя заря съ молодымъ разсвѣтомъ. Возрастъ зрѣлости есть душный, сухой полдень; благотворный, ибо въ немъ сосредоточивается зиждительное дѣйствіе солнца, но менѣе богатый оттенками, болѣе единообразный, вовсе не поэтическій. Литературы, сіи выраженія вѣковъ и народовъ, подтверждаютъ наблюденіе. Литература, обошедши кругъ общихъ мысли, занятій, истинъ, выданныхъ намъ счетомъ, кидается въ источники первобытныхъ вдохновеній. Смотрите на литературу англійскую, германскую: Шекспиръ, утро; Попъ, полдень; Валтеръ-Скоттъ, вечеръ.

"Когда я начиналъ учиться англійскому языку, "говоритъ Вольтеръ о Шекспирѣ," я непонималъ, какъ могъ народъ столь просвѣщенный уважать автора столь сумасброднаго: но познакомившись короче съ англійскимъ языкомъ, я увѣрился, что Англичане правы, что невозможно цѣлой націи ошибаться въ чувствѣ своемъ и не знать, чему она радуется. (et a tort d'avoir du plaisir.)" Умъ Вольтера былъ удивительно свѣтелъ, когда не находили на него облака предубѣжденія или пристрастія. Въ словахъ, здѣсь приведенныхъ, есть явное опроверженіе шутокъ и обвиненій, устремленныхъ тѣмъ же Вольтеромъ на *пьянаго дикаря*. Будь Шекспиръ *пьяный дикарь*, то дикарями должны быть и просвященные Англичане, которые поклоняются ему, какъ кумиру ихъ народной сдavy. Дѣло въ томъ, что должно глубоко вникнуть въ нравы и въ духъ чуждаго народа, совершенно покумиться съ нимъ и отречься отъ всѣхъ своихъ народныхъ повѣрій, мнѣній и узаконеній, готовясь приступить къ сужденію о литературѣ чуждой. *Шекспиристы*, говоря о трагедіяхъ Расина: "и Французы называютъ это трагедіею?" а *Расинисты* о театрѣ Шекспира: "и Англичане называютъ это трагедіею?" похожи на французскихъ солдатъ, которые, не окрещенные при рожденіи своемъ рускимъ морозомъ и незваные гости на Руси, восклицали въ 1812 году, страдая отъ голода и холода: "и несчастные называютъ это отечествомъ! (et les malheureux appellent cela